

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

А. В. Петров¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

**«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...» А. С. ПУШКИНА:
ПОЛНОТА БЫТИЯ, ИЛИ ОТКАЗ ОТ СЧАСТЬЯ²**

В статье предлагается использовать термин «полнота бытия» применительно к идейному содержанию стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», а также применять его для описания того романтического дискурса, который был выработан поэтом к 1825 году и который пришел на смену просветительскому «дискурсу счастья». Представляется, что известная эволюция этических и религиозно-философских представлений поэта – от гедонизма и волюнтаризма к идеям «служения» Абсолюту и принятия несовершенства исторической действительности – может быть транспонирована на весь ранний русский романтизм, выразителем, а по сути, создателем которого и был Пушкин. Являясь одновременно и завершителем традиций литературы XVIII века, он своей собственной творческой биографией продемонстрировал исчерпанность столь популярной в эпоху Просвещения «парадигмы счастья» – гедонизма и эвдемонизма как жизненных и творческих установок личности. На смену им должно было прийти нечто диалектически противоположное – и отрицающее их, и вобравшее их содержание в себя. Этот феномен уместно обозначить как «полноту бытия» – экстатическое состояние, в котором «счастье» и «блаженство» оказываются лишь составными его частями, равновеликими вдохновению, любви, полноте чувств, красоте, гармонии с миром, единению с Бесконечным. Следует отметить, что «дискурс счастья» при этом никуда из культуры и литературы не исчез, хотя бы по той простой причине, что земное счастье представить в конкретных его проявлениях (успех, достаток, семья, власть и пр.) и воплотить их гораздо легче,

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

А. В. Петров

чем достичь полноты бытия, требующей напряжения всех духовных сил, бесконечного совершенствования и веры в существование Абсолюта.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, религиозно-философская лирика, полнота бытия, счастье, эвдемонизм, романтизм, Просвещение, история идей

Целью этой статьи я мыслю применение к решению двух историко-литературных и эстетических проблем: а) некоей не самой известной *религиозно-философской идеи*, б) представлений исследователей творчества А. С. Пушкина об *эволюции его мировоззрения*, в) современной научной концепции *о дискурсе счастья в русской литературе XVIII в.*

Первая проблема – рассмотрение пушкинского стихотворения «*Я помню чудное мгновенье...*» с точки зрения того, какое философское понятие может определять его идейное содержание. Подчеркну, что я не собираюсь давать новую интерпретацию стихотворения, поскольку считаю достаточным выработанное в пушкинистике его понимание. Вторая проблема связана с выявлением места искомого понятия в процессе смены мировоззренческих и направленных парадигм (от литературы Просвещения к романтизму) в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX века.

Знаменитый пушкинский шедевр, написанный не позднее 19 июля 1825 г., по традиции относят к любовной лирике. Данный взгляд зафиксирован, например, в авторитетном энциклопедическом словаре: «<...> среди шедевров пушкинской любовной лирики это стихотворение – одно из самых проникновенных, трепетных, гармонических» [1, 84]. Приведу также типичную для практики школьного преподавания точку зрения, изложенную в «Учительской газете» (2007 г.). В свойственной для учителей литературы прекраснодушной манере М. Зацепина пишет: «Основная мысль стихотворения – светлая память об утраченной любви и радость неожиданной встречи, которая не канула. Она жива и давным-давно на «Ты». Не перестаешь удивляться: как удалось Пушкину в нескольких строчках стихотворения показать Любовь – особое состояние души. Показал. Гениально!» [5]. Сказано это, безусловно, с искренним восхищением Пушкиным и с таким же искренним непониманием того, что же он действительно «показал». Преподавателям литературы, очевидно, не мешало бы читать письма Пушкина, где об А. П. Керн говорится как о «вавилонской блуднице», и пытаться разъяснить для себя и учеников, например с опорой

на классиков пушкинистики (см.: [6, 117–119; 14; 17]), столь не вписывающиеся в «школьное» представление о поэте противоречия.

Попытки некоторых пушкинистов закрыть дискуссию, назвав «бесплодными» «бесконечные споры о том, можно ли относить это стихотворение к “любовной лирике”», и увидеть в нём всего лишь полноту жизненных впечатлений автора, в целом присущих «реализму в лирике» (!) [22, 100–101], представляются мне игнорированием важной и многогранной научной проблемы. Ибо «Я помню чудное мгновенье...» – стихотворение прежде всего философское, а скорее религиозно-философское. Совсем не случайно В. Соловьев начал свою известную статью о «судьбе Пушкина» с разбора именно этого произведения, а завершил ее размышлениями о «духовном возрождении» поэта и о роли «Провидения Божьего» во всякой человеческой судьбе [18, 292–293].

Уже общий взгляд на сюжет стихотворения обнаруживает именно философскую его природу, как ее описывала, например, Р. С. Спивак. По мнению исследовательницы, основу сюжета философской лирики составляют «нравственно-философские, натурфилософские и социально-философские оппозиции. Сюжет строится на сопоставлении понятий, которые отличаются всеобщностью, общезначимостью содержания, обозначают субстанциальные начала жизни» [19, 16].

В пушкинском «К-обращении» противопоставляются состояния героя *до* и *после* явления ему «гения чистой красоты», а к субстанциальным началам можно отнести *божество, красоту, вдохновение, душу, любовь* и самое *жизнь*. Свое видение сюжета стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» и методов его интерпретации я предложил в коллективном учебном пособии «Филологический анализ текста» (2016 г.) [3].

«Другая специфическая особенность сюжета философской лирики, – развивает свою мысль Р. С. Спивак, – состоит в логике движения авторской мысли», напоминающего «логическую операцию определения, или дефиницию» [19, 18]. В лирическом произведении объект изображения может определяться разными способами. Во-первых, подведением его «под широкое родовое понятие»; это последнее может быть названо прямо, а может даваться «опосредованно, путем описания» [19, 19, 22]. Во-вторых, через со- и противопоставление понятия, особенно если оно предельно широкое, другому, столь же широкому [19, 23].

В стихотворении 1825 г. интересующее меня понятие 1) так и не называется автором, 2) описывается им посредством перечисления «видовых», входящих в него понятий. Делается это

оригинально: сначала с помощью предлога «без» «родовому» понятию соплагается его оппозиция, тоже прямо не названная: «*Без божества, без вдохновенья, / Без слез, без жизни, без любви*»¹ [13, 406]. В финале стихотворения «родовое» понятие утверждается как вновь воскресшее для героя в единстве составляющих его «видовых» понятий: «*И божество и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь*». Пушкинисты считают их «даже не образами, а основными категориями романтического мировосприятия» [17, 89], «основополагающими романтическими категориями» [20, 6].

Что же это за родовое понятие, спрошу я, для которого «видовыми» являются «*божество*» и «*жизнь*»?

Философская проблематика стихотворения Пушкина рассматривается обычно в контексте романтизма как литературного направления, а ядро ее соотносится с проблемой *романтического идеала*. Об этом точно, глубоко и исчерпывающе писали, например, Ф. П. Федоров и А. А. Смирнов. «Героиня, представляющая бесконечное, – отмечал Ф. П. Федоров, – есть романтический идеал, романтическая норма красоты и добра» [20, 5]. Исследователи подчеркивали, что любовная лирика здесь всего лишь наиболее соответствующая задаче жанровая форма, в которой произошла «кристаллизация образных воплощений и манифестаций идеала» [17, 101]; «через героиню, через любовь к ней герой обретает бесконечное <...>», бесконечное же у романтиков «религиозно» [20, 5–6]. «Центр романтического идеала», творцом которого в нашей поэзии считается именно А. С. Пушкин, «образует идея бесконечного становления и совершенствования внутреннего мира человека, перед которым открывается перспектива непрерывного творческого деяния» [17, 74]. Анализируя романтический идеал в стихотворениях «Я помню чудное мгновенье...» и «Красавица», А. А. Смирнов приходит к таким выводам: «“Жажда *полноты бытия*” в сочетании со стремлением к гармонии внутреннего мира лирического героя и окружающих обстоятельств освещается в лирике Пушкина светом высокого, вечного, идеального» [17, 92]; «соотносить каждый шаг, каждое движение с идеалом, сверять самое обыденное с самым высоким – таков образ поведения, декларируемый лирическим героем Пушкина. Результатом такого поведения и должна явиться гармоническая “*полнота бытия*”, в которой каждая деталь несет в себе кроме обыкновенного, повседневного содержания высокий смысл “частички бытия”» <курсив в цитатах мой. – А. П.> [17, 94].

¹ Стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» цитируется по: [13]. В дальнейшем страницы при цитировании не указываются. Курсив в цитатах принадлежит мне. – А. П.

Итак, искомое мною понятие в пушкинистике уже встречалось, но лишь как необязательная образная характеристика пушкинского эстетического и жизненного идеала. Имею в виду «*полноту бытия*».

В русском и европейском романтизме эти понятия – *идеал* и *полнота бытия* шли рука об руку и имели религиозно-мистическое происхождение. Впечатляющий подбор соответствующих примеров из произведений современников Пушкина дает М. Вайскопф в книге «Влюбленный демиург» (2012 г.), анализируя архетипический для романтиков «эротический сюжет» [4, 478–568]. Ср.: «В большинстве текстов сама встреча с эротическим партнером осмысливается персонажем одновременно и как узнавание, и как реализация его более-менее кристаллизирующейся “идеи” или, чаще, “идеала”, памятного ему по предыдущему существованию и общей духовной отчизне – небесной или хотя бы земной (детство и пр.), где он надеялся его отыскать» [4, 486]. Сюжет этот, говорит М. Вайскопф, предполагает «преображение» или «воскрешение героя, потрясенного увиденным. В контексте XVIII – первых десятилетий XIX в. оно ассоциируется, конечно, с пресловутым пиетистским “пробуждением”, т. е. религиозным озарением и обращением души к Христу. В ходе встречи – либо даже в ее предвкушении – герой восторженно размыкает круг изоляции и/или довершает процесс собирания, достраивания своей личности. Сам этот контакт знаменует достижение им цели и целостности, *обретение всей полноты бытия*, отныне высветленного небесным началом. В любимой открывается Anima mundi <...> <курсив в цитатах мой. – А. П.> [4, 487].

«“Чудное мгновенье”, – отмечает Ф. П. Федоров, – это романтический аналог христианского “откровения”»; «как в христианском мгновеньи – откровении – постигался Бог, так и в романтическом мгновеньи постигается бесконечное; мироздание в его целокупности и целостности постигается только в “мгновенье”» [20, 7–8]. Как следует из наблюдений того же исследователя, выражение «полнота бытия» и синонимичные ему (например, «полнота духовного совершенства», «полнота пространства и времени») были привычными для немецких романтиков [21, 105, 197, 210].

При этом во всех современных философских словарях термин «*полнота бытия*» отсутствует. В отечественной религиозно-философской традиции его использовал Н. О. Лосский в своем этико-богословском труде «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей» (1931 г.). «В религиозном опыте абсолютная полнота бытия дана как Бог», – констатирует он, поясняя, что мозрительно возможно говорить и о «совершенном небытии». И если первое переживается

как «радость о Господе» – в форме «разнообразных положительных чувств» – «удовольствия, восхищения, возвышенности, покоя, доверия, надежды и т. п., предвосхищающих полноту блаженства Божественного бытия», то опыт приближения к «абсолютному уничтожению» «выражается в отрицательных чувствах страдания, отвращения, изменности, пошлости, жуткости, беспокойства, покинутости и т. п., предвосхищающих безмерные мучения адского распада бытия» [7, 265–267].

Комментируя Н. О. Лосского, современная исследовательница Е. А. Найдено отмечает, что «никакое отдельное содержание мира никогда не удовлетворяет человека до конца, он стремится идти всё дальше и дальше, прибавляя к тому, что достигнуто, новые и новые содержания жизни. То есть человек стремится не просто к осуществлению полноты бытия, но и к воплощению его в себе» [8, 284].

В свете сказанного становится понятно, что та антиценность, которую Пушкин пятикратно определял в своем стихотворении предлогом «без», указывающим «на отсутствие кого-н., ненахождение чего-н. в наличности» [16, I, 60], есть *смерть и небытие*.

Популярно изложил суть понятия «полнота бытия» Г. С. Померанц в недавней статье с одноименным названием. Так, он указывает, что это понятие обозначает «важнейший аспект качества жизни» [12, 242]. Применительно к стихотворению «Я помню чудное мгновенье...» актуально предложенное исследователем психологическое понимание полноты бытия, а именно переживание ее «как радости, счастья, блаженства» [12, 243]. Чувство полноты бытия дается прежде всего любовью, но также и созерцанием красоты и творчеством. Г. С. Померанц использует и синонимичное выражение «максимум бытия», подчеркивая религиозно-мистическую природу обоих: «экстаз, ощущение выхода за рамки пространства и времени»; «предположительное состояние Бога. Чаще всего – один миг или несколько мгновений, бросающих свет на всю остальную жизнь»; «стяжание Святого Духа»; «верховное переживание»; созерцание «образов святости» [12, 243–244]. «Там, где есть ощущение полноты бытия, – пишет ученый, – есть и его антоним – подавленность, угнетенность», «тоска небытия», смерть [12, 242, 245]. «Удел человека, – завершает статью автор, – периодическое падение в богооставленность, в тоску небытия и способность вытерпеть эту тоску, не теряя веры в свет по ту сторону темной бездны» [12, 245].

Удивительно, конечно, не то, что многие суждения философа выглядят как комментарий к пушкинскому стихотворению, но в очередной раз проявленная неисчерпаемость смыслов последнего.

Перейду ко второму вопросу, поставленному в начале статьи. Основной мой тезис – ответ на него звучит так. Именно *полнота бытия* начинает в эпоху романтизма конкурировать со *счастьем* как одной из наиболее востребованных категорий в этике и литературе предшествующей эпохи – Просвещения (см. об этом: [2; 9; 10; 11; 14]), и творчество А. С. Пушкина – главное тому подтверждение. Предельное, наглядное и совершенное художественное выражение категория *полноты бытия* нашла, как я показал выше, в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...». Другими доказательствами выдвинутого тезиса могут послужить ссылка на хорошо изученную эволюцию этико-философских взглядов Пушкина, а также его персональный тезаурус, зафиксированный в «Словаре языка Пушкина» [16].

«Счастье» и «счастливый» не являются самыми частотными словами-концептами в пушкинских произведениях, заметно уступая по количеству употреблений – 247 и 244 соответственно – таким, например, словам, как «любить» (614 употреблений), «любовь» (630), «государь» (766), «друг» (788), «писать» (813) и безусловно, видимо, лидеру – слову «бог» (917 + 105 – «господь»). Слову, которое в религиозном дискурсе и обозначает (вновь сошлось на Н. О. Лосского) «абсолютную полноту бытия». Кстати, слово «полный» в интересующих меня значениях ‘*объятый, охваченный каким-н. чувством, погруженный в какие-н. мысли*’ и ‘*проявляющийся полностью, не частично; совершенный, абсолютный*’ употребляется Пушкиным довольно часто – 126 и 58 раз [16, III, 533].

Тем не менее сопоставление с другими концептами – «конкурентами» обнаруживает очень высокую значимость «счастья» в сознании Пушкина. Например, «свобода», «свободный», «вольный» и «воля» (в значении «свобода») – 183, 88, 84 и 50 словоупотреблений; «страсть» – 196; «мечта» – 187; «красавица» – 156; «красота» – 146; «пир» – 133; «дружба» – 132; «власть» – 107; «искусство» – 107; «осень» – 58; «блаженство» – 48; а «идеал» – всего лишь 21. Соотносимыми со «счастьем» по числу употреблений являются концепты «судьба» (290), «смерть» (293), «деньги» (310) и «честь» (340).

Одним из первых, кто глубоко исследовал «эволюцию мироотношения» Пушкина с философской точки зрения, был Б. М. Энгельгардт. В своей новаторской на момент 1912 года работе «Историзм Пушкина. К вопросу о характере пушкинского объективизма» он указал как на переломные на 1823–1825 гг. – от поэмы «Цыганы» до трагедии «Борис Годунов» и «сопутствующей ему лирики» [23, VII–VIII]. «Исходным пунктом всего пушкинского мышления о мире, – говорит исследователь, – <...> была философия

французского просвещения», из которой молодой Пушкин усвоил прежде всего «элегантную идеологию эпикуреизма»; «наслаждение он объявляет высшей ценностью, и, согласно этому, видит назначение личности в счастье, понимаемом материально, как удовлетворение всех чувственных влечений человека»; «индивидуалистический эйдаймонизм» являлся основной формой его этического мышления [23, 4–6, 15]. Но уже в поэме «Цыганы» поэт приходит к выводу о том, что «надежда на счастье – пустая и неосновательная мечта» [23, 13]. Однако, «отвергнув жизнь с точки зрения личного счастья, Пушкин принял ее с иных точек зрения». Первая состояла в том, что те эвдемонические ценности, в которых он разочаровался, «уступили место иным, абсолютным, служить которым призвана личность, так что удовольствие перестало быть для него смыслом жизни, а эта последняя превратилась в акт служения» [23, 33]. Вторую, наиболее полно выразившуюся в «Борисе Годунове» и в «19-м октября», Б. М. Энгельгардт описывает как «особое историческое созерцание жизни, постигшее объективную целесообразность процесса всеобщей жизни и обосновавшее этическое подчинение человека его необходимым законам» [23, 87].

Итак, я могу указать на 1825 год как на условную хронологическую точку в русской литературной культуре, когда, отталкиваясь от просветительского «дискурса счастья», великий русский поэт сформировал новый, романтический дискурс, в котором Абсолют, в какой бы форме он ни выражался, становится мерой человеческого бытия. Разумеется, «дискурс счастья» при этом никуда из культуры и литературы не исчезает, хотя бы по той простой причине, что человеку представить земное счастье в конкретных его проявлениях (успех, достаток, семья, власть, любовь и пр.) и воплотить их гораздо легче, чем достичь полноты бытия, требующей напряжения всех духовных сил, бесконечного совершенствования и веры в существование Идеала.

Литература

1. А. С. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь / [Сост.: В. Я. Коровина, В. И. Коровин]; Под ред. В. И. Коровина. Москва: Просвещение, 1999. 770 с.
2. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 116–133.
3. Абрамзон Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы I трети XIX века): учеб.-метод. пособие: электронное издание / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин,

Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова, Т. И. Рожкова. Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ», 2016.

4. Вайскофф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 696 с.

5. Зацепина М. «Я помню чудное мгновенье...». Азбука любви Александра Пушкина // Учительская газета. 2007. № 51 (18 декабря). Режим доступа: <http://old.ug.ru/archive/22031>

6. Литература. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / В. И. Коровин. М.: Просвещение, 2012. 414 с.

7. Лосский Н. О. Бог и мировое зло / Сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев. Москва: Республика, 1994. 432 с.

8. Найденко Е. А. Концепция достижения полноты бытия в воззрениях Н. О. Лосского // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3–1. С. 284–286.

9. Петров А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 238 с.

10. Петров А. В. Новогодние стихи Ф. И. Тютчева // Libri Magistri. 2019. Вып. 9. С. 11–20.

11. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

12. Померанц Г. С. Полнота бытия // Культурология. 2018. № 1 (84). С. 242–245.

13. Пушкин А. С. К *** («Я помню чудное мгновенье...») // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. 1947. С. 406–407.

14. Рудакова С. В. «И божество, и вдохновенье...» (образ А. С. Пушкина в контексте стихотворения «Новинское» Е. А. Боратынского) // Болдинские чтения – 2014. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. у-та им. Н. И. Лобачевского, 2014. С. 9–23.

15. Рудакова С. В., Ререци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

16. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М: Азбуковник, 2000.

17. Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина. Москва: Филология, 1994. 189 с.

18. Соловьев В. С. Судьба Пушкина // А. С. Пушкин: Pro et Contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских

А. В. Петров

мыслителей и исследователей. Антология. Т. I. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 268–293.

19. Спивак Р. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 140 с.

20. Федоров Ф. П. Пространственно-временная структура стихотворения А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье») // Пушкин и русская литература. Сб. науч. трудов. Рига: ЛатГУ, 1986. С. 4–15.

21. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М: МИК, 2004. 368 с.

22. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986. 304 с.

23. Энгельгардт Б. Историзм Пушкина. К вопросу о характере пушкинского объективизма // Пушкинист. Историко-лит. сб. / под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг.: Фототипия и Типография А. Ф. Дресслера, 1916. С. 1–158.

REFERENCES

1. A. S. Pushkin: Shkol'nyj enciklopedicheskiy slovar' [A. S. Pushkin: School encyclopedic dictionary] / [Sost.: V. Ya. Korovina, V. I. Korovin]; Pod red. V. I. Korovina. M.: Prosveshchenie, 1999. 770 p.

2. Abramzon T. E. K voprosu o russkom schast'e (poeziya XVIII veka) [To the question of the Russian Happiness (Eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 116–133.

3. Abramzon T. E. Filologicheskij analiz teksta (na materiale proizvedenij russkoj literatury I treti XIX veka) [Philological analysis of the text]: ucheb.-metod. posobie: elektronnoe izdanie / T. E. Abramzon, A. P. Vlaskin, T. B. Zajceva, A. V. Petrov, S. V. Rudakova, T. I. Rozhkova. Magnitogorsk: FGBOU VO «MGU», 2016.

4. Vajskopf M. Vlyublennyj demiurg: Metafizika i erotika russkogo romantizma [Demiurge in love: Metaphysics and erotica of the Russian romanticism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 696 p.

5. Zacepina M. «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...». Azbuka lyubvi Aleksandra Pushkina [«A wondrous moment I remember...»: Alphabet of love of Alexander Pushkin] // Uchitel'skaya gazeta [Teacher's newspaper]. 2007. № 51 (18 dekabrya). Rezhim dostupa: <http://old.ug.ru/archive/22031>

6. Literatura. 10 klass [Literature. The 10th class]. Ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenij. V 2 ch. Ch. 1 / V. I. Korovin. M.: Prosveshchenie, 2012. 414 p.

7. Losskij N. O. Bog i mirovoe zlo [God and world evil] / Sost. A. P. Polyakov, P. V. Alekseev, A. A. Yakovlev. M.: Respublika, 1994. 432 p.

8. Najdenko E. A. Konceptiya dostizheniya polnoty bytiya v vozzreniyah N. O. Losskogo [The concept of achievement of completeness of existence in N. O. Lossky's views] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh I estestvennyh nauk [Actual problems of humanitarian and natural sciences]. 2014. № 3-1. Pp. 284–286.

9. Petrov A. V. Brachno-svadebnaya poeziya v russkoj literaturnoj kul'ture XVIII – nachala XIX vekov [Marriage and wedding poetry in the Russian literary culture of XVIII – the beginnings of the 19th centuries]: Monografiya. Magnitogorsk: MaGU, 2013. 238 p.

10. Petrov A. V. Novogodnie stihy F. I. Tyutcheva [New Year verses by F. I. Tyutchev] // Libri Magistri. 2019. Vyp. 9. Pp. 11–20.

11. Petrov A. V. Fenomenologiya «russkogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoj shkoly po izucheniyu russkoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.

12. Pomerants G. S. Polnota bytiya [Completeness of existence] // Kul'turologiya [Cultural science]. 2018. № 1 (84). Pp. 242–245.

13. Pushkin A. S. K*** («Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...») [To*** («A wondrous moment I remember...»)] // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 2, kn. 1. Stihotvoreniya, 1817–1825. Litsejskie stihotvoreniya v pozdnejshih redakciyah. 1947. Pp. 406–407.

14. Рудакова С. В. «И божество, и вдохновенье...» (образ А. С. Пушкина в контексте стихотворения «Новинское» Е. А. Боратынского) // Болдинские чтения 2014. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского с. 9-23

15. Rudakova S. V., Regeci I. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of Happiness] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75.

16. Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of language of Pushkin]: v 4 t. / Otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov. 2-e izd., dop. M: Azbukovnik, 2000.

17. Smirnov A. A. Romanticheskaya lirika A. S. Pushkina [Romantic lyrics of A. S. Pushkin]. M.: Filologiya, 1994. 189 p.

18. Solov'ev V. S. Sud'ba Pushkina [Pushkin's fate] // A. S. Pushkin: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Pushkina v ocenke russkih myslitelej I issledovatelej. Antologiya. T. I. SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. Pp. 268–293.

A. B. Пемос

19. Spivak R. Russkaya filosofskaya lirika: Problemy tipologii zhanrov [Russian philosophical lyrics: Problems of typology of genres]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1985. 140 p.

20. Fedorov F. P. Prostranstvenno-vremennaya struktura stihotvoreniya A. S. Pushkina «K***» («Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e») [Space-time structure of the poem of A. S. Pushkin «To***»] // Pushkin I russkaya literature [Pushkin and Russian literature]. Sb. nauch. trudov. Riga: LatGU, 1986. Pp. 4–15.

21. Fedorov F. P. Hudozhestvennyj mir nemeckogo romantizma: Struktura i semantika [Art world of the German romanticism: Structure and semantics]. M: MIK, 2004. 368 p.

22. Fomichev S. A. Poeziya Pushkina. Tvorcheskaya evolyuciya [Pushkin's poetry. Creative evolution]. L.: Nauka, 1986. 304 p.

23. Engel'gardt B. Istorizm Pushkina. K voprosu o haraktere pushkinskogo ob'ektivizma [Pushkin's historicism. To a question of the nature of Pushkin objectivism] // Pushkinist [Pushkin scholar]. Istoriko-lit. sb. / pod red. prof. S. A. Vengerova. Pg.: Fototipiya i Tipografiya A. F. Dresslera, 1916. Pp. 1–158.

«A WONDROUS MOMENT I REMEMBER...» BY A. S. PUSHKIN:
COMPLETENESS OF EXISTENCE AS REFUSAL OF HAPPINESS

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,

Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

In the article it is offered to use the term «completeness of existence» in relation to the ideological contents of the poem by A. S. Pushkin «A wondrous moment I remember...» and also to apply it to the description of that romantic discourse which had been developed by Pushkin by 1825 and which succeeded an educational «discourse of happiness». It seems that the poet's evolution of ethical, religious and philosophical ideas – from hedonism and voluntarism to the ideas of «service» to the Absolute and the adoption of imperfection of historical reality – can be transposed to the entire early Russian romanticism, which was expressed, and in fact created, by Pushkin. Being at the same time and a completer of the traditions of literature of the 18th century, he showed the exhaustion of «happiness paradigm» by his own creative biography – hedonism and eudemonism as vital and creative goals of the personality. Something dialectically opposite had to succeed them – both the contents denying them, and incorporated them.

It is appropriate to designate this phenomenon as «completeness of existence» – an ecstatic state in which «happiness» and «bliss» are only its compound parts, equal to inspiration, love, completeness of feelings, beauty, harmony with the world, to unity with Infinite. It should be noted that «happiness discourse» did not disappear from culture and literature, at least for that simple reason that to present terrestrial happiness in its concrete manifestations (success, the prosperity, family, power) and to embody them is much easier, than to reach the completeness of existence demanding tension of all spiritual powers, infinite perfectibility and belief in Absolute existence.

Key words: A. S. Pushkin, religious and philosophical lyrics, completeness of existence, happiness, eudemonism, romanticism, Enlightenment, history of the ideas

Для цитирования: Петров А. В. «Я помню чудное мгновенье...» А. С. Пушкина: полнота бытия, или отказ от счастья // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 93–105.

Поступила в редакцию 24.10.2020